

ДЕРЕВУШКА ИПАТОВО

На крутом берегу речки Муравы, заросшей черемухой и дикой малиной, расположилась старинная барская усадьба с колоннами, мраморными ступенями, хозяйственными постройками и беседками. Вокруг усадьбы был разбит огромный парк с соснами, кленами, барбарисом, душистой сиренью. А через полянку от ступеней усадьбы начиналась аллея из высоких, темных елей, придававшая усадьбе сказочный вид. На краю парка притулилась небольшая деревенька Ипатово. Другой стороной деревенька выходила на открытую местность, заросшую можжевельником, непроходимыми участками дикой малины, березовыми колками. Недалеко от деревеньки, и тоже на краю парка, располагалась дача высокого православного священника. Прошло время, усадьба превратилась в санаторий, а дача – в детский дом для выхаживания слабых, почти безнадежных детей. Их привозили после Войны из Ленинграда и Воркуты. Жители Ипатово трудились кто в санатории, кто в детском доме, а остальные, в основном мужчины, работали в ближайшем волжском городе. Деревенские старушки, коих было немало, оставались верующими, и порядки в деревушке поддерживали строгие. Во всяком случае, ругательства среди жителей, молодых и старых, не допускались.

ЗВЕЗДОЧКА

Весной 1952 года Мишка пришел из армии. Он был высокого роста, ладно скроен, симпатичен, и все девчонки в нашей маленькой деревне с ума посходили. Сначала отметили его возвращение дома, а вечером в тот же день молодежь собралась на улице и еще немного выпили. Все разгорячились, смеялись, и Мишка чувствовал себя счастливым оттого, что он снова дома, среди своих, и что жизнь – прекрасна. Тут Ванька, Мишкин друг, предложил немного пострелять. Мишка охотно согласился – ведь он же только из армии и в этих делах знает толк. Принесли старое ружьишко, заряженное дробью. Первым дали стрельнуть Мишке. Он покрутил головой, определяя, куда бы пальнуть, чтобы было безопасно.

– А вон, Мишка, в звездочку попадешь? – спросил Ванька и ткнул пальцем вверх.

На коньке ближайшего дома красовалась деревянная пятиконечная звездочка. Когда-то она была выкрашена в красный цвет, но давно уже выпцвела. Дом принадлежал большой зажиточной семье Фунтиковых, и звездочку старший Фунтиков прибил, чтобы показать свою лояльность власти. Но не помогло: их все равно сослали в Ташкент за то, что хорошо жили. И дом стоял пустой.

– Запросто, – весело ответил Мишка, вскинул ружьишко и выстрелил. Попасть то он попал, но одна из дробинок отрикошетила от железной крыши и чиркнула по руке Гальки, стоявшей вместе со всеми. На руке появилась царапина и выступили капельки крови. Галька перепугалась и убежала домой.

Через несколько дней о происшествии забыли, но не все. Мать Гальки, уборщица тетя Маруся, пришла к Полине Сергеевне, Мишкиной матери, и сказала:

– Мишка по звездочке стрелял и Гальке руку поранил. Пусть женится на Гальке. Иначе я пойду в суд.

Полина Сергеевна работала учительницей и хорошо поняла смысл угрозы. Галька-то – бог с ней, про нее никто и не вспомнит, а вот звездочка . . . За нее Мишку посадят лет на пять. Мишка, узнав о визите тети Маруси, сначала тоже озадачился, а потом подумал:

– А, что, Галька – девчонка красивая, покладистая, можно и жениться.

И согласился. Но через неделю тетя Маруся пришла опять. У нее была еще одна дочка – Надька. Надька была старше Гальки года на четыре, ей уже исполнился двадцать один, да и внешностью она сильно уступала младшей сестре. Тетя Маруся и рассудила: Галька все равно выйдет замуж, а вот Надька может остаться в девках. И составила новое предложение.

– Пусть Мишка женится на Надьке, а то пойду в суд.

Надька – девка языкастая, резкая, никому спуску не давала, не то, что тихая Галька. Мишка с Полиной Сергеевной снова задумались. Но деваться некуда. Пусть Надька. Может, ничего, обойдется как-нибудь. И сыграли свадьбу. Женой Надька оказалась вроде неплохой, хозяйственной, но вот глаза Мишкины потухли. Первые годы он еще крепился, работал, детишки пошли, а потом потихоньку запил. Лет до шестидесяти продержался и помер.

СНЕГИРИ

Была у нас в деревне семья Снегиревых. После войны все жили бедно, но Снегиревы оказались самыми бедными. Детей много, а отец пил. Так что маленьким Снегирям, старшему Сережке, потом Костьке, потом еще Пашке, потом их младшей сестренке Насте, приходилось самим о себе думать. Они и думали: то брались пасти деревенское стадо не за деньги, а за обед, то помогали кому-нибудь на огороде. На речке пытались добыть мелкую рыбешку и зажарить ее на костерке. А бывало, что и просто случай выпадал. Играя с ребятами, Снегири внимательно следили за тем, кто что принес из дома. А если принес, то можно ли это выманить?

Как-то одна маленькая девчонка, Сонька, явилась с небольшим красным яблочком. Со счастливой улыбкой она вертела этим яблочком перед всеми, показывая, какое оно красивое. Снегири никогда яблок в глаза не видели, и им очень хотелось его попробовать. Сережка подошел поближе, как бы внимательно рассматривая яблочко, и пренебрежительно заметил:

– Фу, разве это яблоко? А маленькое какое! Вот у нас есть яблоки, так яблоки, большие и желтые. И очень вкусные. Хочешь, поменяемся?

Соньке в прошлом году отец привозил большие и желтые яблоки, и она знала, что они действительно вкусные. И Сонька согласилась. Снегири помчались домой и минут через пять вернулись. Обмен состоялся, и у Соньки в руках вместо маленького красного яблочка оказалось большое и желтое. Соньке не терпелось его попробовать, и она чуть-чуть надкусила бочок. И тут она сразу поняла, что это не яблоко вовсе, а чисто вымытая картофелина. Она подняла глаза, полные слез, но Снегирей уж и след простыл. И Сонька, расплакавшись, побрела домой.

Сонька вообще любила похвастаться. Вчера она заявила, что каждый день ест вот по такому куску хлеба (она показала, широко разведя руками) с вот таким слоем сахара (опять показ, но уже пальцами).

– Врешь! – недоверчиво протянул Костька. А Сережка хмуро добавил:

– Конечно, врет! Мала еще!

– Не вру! – запальчиво настаивала Сонька. – Хотите, покажу?

И повела несколько не сопротивлявшихся Снегирей к себе домой. Дома делегацию встретила Сонькина бабушка, которая почему-то Сонькиного радушия не разделила, но по куску хлеба всем отрезала и сахаром присыпала.

Утром мамка опять дала Снегирям по тарелке постных щей, в которых сиротливо плавали лоскутки квашеной капусты и кусочки поджаренного лука, и по ломтику черного хлеба. Больше ничего в доме не оказалось. И братья, выйдя на улицу и греясь на солнышке, думали о том, чем бы еще разжиться. Вариантов у них было немного, почти никаких. Про то, чтобы украсть, даже и в голову не приходило: не принято у нас в деревне воровать, и все дворы стояли открытыми. Просить – гордость не позволяла, вроде не нищие. И тут вспомнили про бабу Куделину.

Бабка держала гусей. Гуси целыми днями расхаживали на лужайке у ее дома или в огороде. Любимым их местом были чайные кусты, росшие в огороде около забора. Под этими кустами, в теничке, им удобно было нестись. «А яйца чьи? – задумались Снегири. – Бабкины? Нет, их же гуси несут, не бабка. Да и снести они могут в любом месте, где бабка их сроду не найдет, а, значит, и не учтет».

Так рассудив, братья направились к бабкиному дому и Настю с собой взяли. Забор у бабкиного огорода был сделан из ольховых прутьев, но не плотный, и сквозь него все видно. Тихонько, пригнувшись, Снегири подобрались к нему вплотную и сразу нашли то, о чем думали: под одним из чайных кустов красовались два больших белых гусиных яйца. Вот только лежали они далеко от забора, рукой не дотянуться.

– Щ-щас, – прошептал Костька, и рванул куда-то. Через минуту он вернулся с куском проволоки. Конец ее загнули для удобства и просунули в щель. Сережка осторожно подкатил яйца к самому забору и ухватил одно. Но теперь оказалось, что пустая Сережкина рука в щель пролазит, а с яйцом – нет! Братья оторопели: «Вот оно, яйцо, близко, а не взять!». И неизвестно, сколько бы они еще топгались у забора, но тут Пашка отыскал в кармане гвоздик и передал Сережке. Сережка, легонько прижав яйцо к щели, проковырял в нем гвоздиком дырочку. Осталось только губами дотянуться до дырочки и втянуть в себя содержимое. Так и сделали. Досталось всем, даже и Насте.

А в это время бабка Куделина стояла у окна мезонина своего большого дома. Отсюда, сверху, ей хорошо был виден весь сад и огород. Бабкин сын работал прокурором, и она всегда зорко следила за тем, что происходит в ее дворе. Снегирей она сразу заметила, но с места не сдвинулась.

– Бог с ними, с яйцами, – решила бабка, – у меня их и так уже штук двадцать накопилось. Хватит, куда их девать.

После двух выпитых гусиных яиц сытые и довольные Снегири пошли на берег Муравы, где обычно собирались все деревенские ребята.

Так они росли, и каждый новый день требовал от них усилий и предприимчивости. Но Снегири не отчаивались. Даже, наоборот, укреплялись духом. Только вот Пашка все время хворал. Потом умерла их мать, тетя Зина. Андрюша, отец, оставшись один с детьми, сразу бросил пить и начал нормально работать. И стало полегче.

ДВЕ ЖЕНИТЬБЫ

В деревеньке в небольшом домике на берегу Муравы жила немолодая уже женщина Пелагея Ивановна с сыновьями Николаем и Дмитрием. Старшая ее дочь, Елена, была замужем и жила отдельно по соседству. Муж Пелагеи Ивановны давно умер, и детей она растила одна.

Весной 1944 года Николаю исполнилось семнадцать, и его взяли на фронт. На вокзале его провожали Пелагея Ивановна и Елена. Обе плакали, не сдерживая слез и не отводя глаз от тщедушной фигурки Николая в солдатской шинели не по размеру и грубых кирзовых сапогах с широкими голенищами. Николай, растерянно глядя на мать и сестру, со страхом ждал отправления поезда в неизбежную и жестокую реальность. Наконец, поезд тронулся, и Николай помахал родным, украдкой вытирая мокрые глаза. И долго еще, сидя на полу теплушки среди присмиривших новобранцев, Николай вспоминал прощанье на вокзале и тихонько вздыхал.

Через два дня прибыли на фронт. Еще в военкомате Николаю сказали, что он будет связистом. Ему эта профессия была знакома и он быстро с ней освоился. За год, проведенный на передовой, он, благодаря, вероятно, молитвам матери, остался невредимым. Но после окончания войны его оставили еще на три года в армии. Домой Николай вернулся возмужавшим и сразу оказался в компании таких же, как он, молодых, здоровых и веселых парней.

Днем Николай работал электриком в санатории, а по субботам вечером ходил с друзьями в соседнее село в клуб на танцы. Туда же приходили и девчонки, как местные, так и приехавшие из глухой провинции. Для приезжих девиц работа в городе, даже самая неквалифицированная, и, в особенности, последующее, если повезет, замужество давали единственный шанс вырваться из непроглядной бедности и ограниченности их существования в далеких полузабытых деревнях в бескрайних лесах и болотах. Девчат на танцах было значительно больше, чем парней, и Николай стал задумываться о женитьбе.

Но сначала полагалось получить одобрение матери и старшей сестры. Для знакомства с претенденткой в невесты устраивались смотрины. В назначенный день с утра в доме делали уборку, рвали красные ягоды бузины, росшей рядом с домом, и начищали ими большой медный самовар. Пелагея Ивановна пекла сдобные булочки и пирожки с грибами и капустой. А вечером накрывали стол, за которым усаживались гости – Николай со своей знакомой, и хозяйки – Пелагея Ивановна, Елена и Сонька, пятилетняя дочка Елены.

Первой с Николаем пришла Тоня, симпатичная краснощекая девушка в широкой юбке с нарисованными на ней большими зелеными петухами. Это было время привезенных издалека трофейных тканей, из которых девушкам шили наряды. На петухов старшие хозяйки смотрели с удивлением, а маленькая Сонька пришла от них в восторг и весь вечер ждала чего-то необыкновенного. Тоня оказалась любопытной и разбитной девицей, ей все хотелось осмотреть и пощупать, и она, в сопровождении Соньки, расхаживала по дому и расспрашивала о назначении всяких мелочей. За столом она тоже не стеснялась, успевая и покушать, и поговорить. Сонька же, сидя за столом со взрослыми, неустанно вертела головой, глядя на всех сияющими глазами, и жадно прислушивалась ко всему.

Пелагея Ивановна и Елена расспрашивали Тоню о доме, родителях, планах на будущее. Тоня отвечала бойко, но и сама успевала спрашивать об их семейных делах. Николай молчал, и только изредка пытался помочь Тоне, если та говорила что-нибудь невпопад. Когда чаепитие окончилось и все вышли из-за стола и разделились, Сонька суетливо бегала от одних к другим, чтобы не пропустить ни словечка. А на следующий день выяснилось, что Тонина раскованность и любопытство не понравились ни Пелагее Ивановне, ни Елене, и Тоню больше не приглашали.

Николай спорить не стал, только целый день потом тихонько напевал, опустив голову: «Прощай, Антонина Петровна, неспетая песня моя!». В то время этот мотивчик доносился из каждого окна.

В следующий раз он появился с высокой девушкой в платье с голубыми цветочками. Тоже не понравилась, после чего Николай твердо заявил матери и сестре, что больше никого к ним не приведет.

Но на танцы он продолжал ходить, и не то в клубе, не то еще где, познакомился с Валентиной Сергеевной. Высокого роста, с большими карими глазами и тонким с горбинкой носиком – своей внешностью Валентина Сергеевна и так уже выделялась среди деревенских жительниц. Но особое восхищение у девчонок типа Соньки вызывали ее волосы: густые, волнистые, каштановые, словом, такие, которые почти не встречаются в нашем светло-русом краю. Она жила в соседнем селе, где работала учительницей русского языка и литературы, и в Ипатово ее хорошо все знали. И матери, и Елене она очень нравилась, и устраивать смотрины не было нужды, а у Соньки даже дыхание перехватывало от восторга, когда она встречала Валентину Сергеевну на улице.

Николай своими чувствами ни с кем не делился, но было видно, что он влюблен. Валентина Сергеевна при встрече с ним тоже как-то преображалась, и взгляд ее из задумчивого и рассеянного становился теплым и лучистым. Они явно тянулись друг другу, и все бы у них сладилось, но было одно обстоятельство. Валентина Сергеевна закончила педагогический институт, а Николай в это время еще только учился в вечерней средней школе. И он чувствовал себя как бы недостойным ее и боялся делать ей предложение, боялся отказа. Но, измучившись от душевных терзаний, пришел, наконец, к ней и бухнул с порога:

– Хочу жениться!

Валентина Сергеевна никак не ожидала такого «объяснения». Она, как и любая другая на ее месте, представляла, что Николай хотя бы скупой, двумя словами, сначала признается в своих чувствах, а потом уже предложит руку и сердце. А тут, с бухты-барухты, «Хочу жениться!» и все. Кроме того, Валентина Сергеевна как учитель литературы прочла множество романов о любви, старинных и современных, и прекрасно знала, как молодые люди должны объясняться. И она растерялась.

– Ну и женись! – неожиданно для самой себя отрезала Валентина Сергеевна. Николай покраснел, развернулся и молча вышел. Случилось то, что он втайне ожидал, и свой страх пытался скрыть за внешней грубостью.

Им бы подождать немного и примириться, но оба были горды, самолюбивы, и оба считали себя пострадавшими. И примирения не состоялось. Через год Николай стал директором санатория. Где-то в это время в санаторий по путевке приехала отдыхать девчонка, работавшая комплектовщицей на заводе. Ее привлекательная внешность, стройная фигура и веселая улыбка Николаю понравились. Романов девушка не читала, и свадьба состоялась без затруднений. Валентина Сергеевна замуж так и не вышла.

Дмитрий был младшим, любимым сыном Пелагеи Ивановны. На Войну он не пошел, но сразу после войны его отправили в Суворовское училище, на государственное довольствие. Учился он хорошо, и армейская карьера его не страшила. После училища его командировали на два года в Германию. Через год он приехал в отпуск с двумя чемоданами, набитыми подарками матери, сестре и любимой племяннице Соньке. Дмитрий вырос, и его стройная фигура, аккуратная выправка и располагающая улыбка на открытом юношеском лице привлекали взгляды встречных девушек. В общем, парень вполне созрел для серьезных жизненных решений, и Пелагея Ивановна с Еленой, посоветовавшись, решили, что неплохо бы ему подыскать невесту до его отъезда. У Елены на работе была подруга, Галина, симпатичная незамужняя девушка двадцати одного года, и Елена подумала, что она могла бы стать отличной партией для Дмитрия. Да и Галине нравились военные, и она очень хотела познакомиться с Лениным братом.

Организовали вечернее чаепитие в доме у Николая Леонтьевича, отца Галины. Николай Леонтьевич работал директором крупной товарной базы, был не беден и имел в городе крепкие связи. Сторону невесты представляли Николай Леонтьевич, Галина и две ее младшие сестры, Ирина и Аделаида. Со стороны жениха – Елена и Дмитрий. Чаепитие состоялось, но то, как оно закончилось, еще долгое время после обсуждали в обеих семьях.

Во-первых, Дмитрий не понравился Галине. Она представляла своего жениха военным, но высоким, статным и значительным. А Дмитрий оказался даже немного ниже ее, а его мягкая и застенчивая улыбка слабо соответствовала описанию значительности. Во-вторых, неожиданно Дмитрий очень понравился средней сестре, Ирине. Ирина как-то сразу обратила внимание на его внешность, ум, да и службу в Германии оценила. Она почувствовала в нем потенциал роста. И Ирина поняла, что встретила свою судьбу и твердо решила не упускать ее.

Ирине еще только семнадцать исполнилось, но она оказалась не по летам деловой, и хваткой пошла в отца, вышедшего из старинного купеческого рода. Действовала она быстро и решительно, в два дня убедила Николая Леонтьевича, и Дмитрий вернулся в Германию хоть и неженатым, но его будущие отношения с Ириной были определены. Скорость, с какой разворачивались события в последние перед отъездом дни, не смутила Дмитрия. Активность Ирины ему нравилась. Как человек, готовивший себя к долгой и трудной армейской карьере, он понимал, как важно было обеспечить надежный тыл. И Ирина как нельзя лучше подходила на эту роль.

Уехав снова в Германию и прослужив еще год, Дмитрий вернулся, снова нагруженный чемоданами, но на этот раз чемоданы застряли где-то у Ирины, не достигнув дома Пелагеи Ивановны. А вскоре состоялась их свадьба. Спустя полгода Дмитрий поступил в военную академию, и, после ее окончания и двухлетней службы на Дальнем Востоке, получил хорошее назначение в Ленинград, где удачно продвигался по службе. Ирина же в институт не пошла, а закончила только бухгалтерские курсы. Но природный ум, умение работать и ладить с людьми очень скоро сделали ее незаменимым сотрудником в серьезной фирме. Галина тоже вышла замуж, и тоже за военного, но карьера у того сложилась не очень убедительно.

ФЕДОР И ЕЛЕНА

Леночка Лебедева жила в Ипатово, с матерью и двумя младшими братьями, которых помогала поднимать. Школу она уже закончила и училась на втором курсе медицинского техникума в небольшом соседнем городе. В свои девятнадцать лет Леночка оставалась скромной и застенчивой девушкой, про парней не думала, ну, разве что иногда, и то как-то не конкретно.

В мае месяце Леночку и ее подружку Катюшу вызвал директор техникума и объявил, что они будут проходить летнюю практику в качестве медсестер на строительстве будущей гидроэлектростанции. Подруги немного испугались, но и обрадовались тоже: ГЭС – дело серьезное, и, может быть, эта практика поможет им получить хорошее распределение.

Шел 1938 год. Стройка располагалась рядом с их городом, никуда ехать не надо, и в середине июня девушки прибыли на место – огромный котлован, в котором тысячи заключенных возводили гидроузел. В середине котлована, на самом его дне, стоял «пункт скорой медицинской помощи» – сколоченная как попало сараюшка с большим нарисованным на ней красным крестом. В эту сараюшку и поместили девушек. Охрана, следившая за порядком среди заключенных,

располагалась наверху котлована по всему его периметру. Она же теперь должна была и девушек оберегать.

Зайдя в «пункт» и оглядевшись, девушки, как обычно, сначала немного прибрались, смахнули пыль, вытерли мокрой тряпкой стол и, разложив нехитрый инструмент, сели в ожидании посетителей. Ждать пришлось недолго. Неожиданно в широкой щели между досками задней стенки сарая возникли чьи-то глаза, холодные и внимательные. Девушкам стало страшно. Боясь пошевелиться, они уставились на незнакомца. А тот тоже неподвижно наблюдал, и глаза его мерцали волчьим блеском. Неизвестно, сколько бы продолжалась эта немая сцена, но снаружи, сверху, раздался повелительный окрик и звук от передергивания затвора винтовки. Глаза исчезли. Но ненадолго. Минут через десять кто-то, другой, снова прильнул к щели. Леночка и Катюша прижались друг к другу и сдавленно взвизгнули. Они не столько поняли, сколько почувствовали, что в этом сарае, как в клетке, они обречены. Голодные и злые мужики, снующие вокруг их сарая, могут растерзать их в любой момент, и никакая охрана не поможет. Они и в страшных снах не могли увидеть себя в ситуации, в какой оказались. В своих юных фантазиях они представляли свою будущую профессию благородной и благодарной, полной романтики, а себя – сестрами милосердия, чуть ли не великими княжнами, перевязывающими раненых и раздающими таблетки больным. А здесь, на дне котлована, они оказались в положении маленьких и беззащитных птенцов, выпавших из гнезда на виду у стаи огромных, вечно голодных ворон.

Внезапно в дверях сарая показался молодой паренек-охранник. Он весело, но и внимательно осмотрел девушек, задержавшись взглядом на Леночке.

– Федор, можно просто Федя, – отрекомендовался парень, протягивая руку. – А вас как?

Леночка и Катюша, стуча зубами, назвали себя. Широкая улыбка расплылась по Фединому лицу: начало знакомства ему нравилось. Не теряя времени, он сразу приступил к расширению уже завоеванного плацдарма. Ему очень хотелось объяснить им, как важна стройка, которую они ведут, какую ответственную работу они, охранники, выполняют, и он уже начал было свой рассказ, но, заметив застывший страх в глазах девушек, все понял и переменял тему:

– Не бойтесь, девчонки, – убеждал он, – я же здесь, рядом, и, если что ... – и он сурово сдвинул светлые брови и многозначительно кивнул на висевшую за спиной винтовку.

Глядя на Федора, его ликообразную физиономию, девушки, однако, нисколько не успокоились. Скорее, наоборот, их тревога усилилась: Федор хоть и пытался показать себя бывалым и сильным парнем, на самом деле был еще почти мальчишкой, худым и бледным. Да и остальные охранники такие же.

После ухода Федора девушки совсем пали духом. Они сели за стол и заплакали. Обе вдруг совершенно отчетливо поняли, что ни Федор, ни его сослуживцы, не смогут защитить их от толпы заключенных, если те взбунтуются. Да еще бы сарай стоял где-нибудь на пригорке, а то на самом дне котлована в окружении незнакомых и угрюмых людей. Здесь, на дне, они почувствовали себя помещенными в другой мир, грозный и опасный, несовместимый с тем, где им жилось беззаботно и спокойно.

Посетителей не было, и девушки проплакали до вечера. На следующий день история повторилась. Приходил Федор, два раза, утешал их, поглядывая все больше на Леночку. Но стоило им остаться одним, как они вновь принимались плакать. Так проплакали они недели две, а потом решились и подали заявление с просьбой направить их на практику в другое место. Об этом сразу стало известным в котловане. Охранники посчитали себя оскорбленными недоверием к ним и потребовали проведения комсомольского собрания. Собрание состоялось, и громче всех на нем выступал Федор. Ему хотелось показать Леночке, какой он положительный комсомолец и достойный гражданин. Размахивая руками и строго глядя на сидевших в сторонке присмиривших девушек, он заявил, что в то время, когда весь народ борется, не щадя себя, за светлое будущее, девушки проявили очевидное малодушие и несознательность. Они недостойны, по мнению Федора, быть комсомолками, и их нужно исключить из рядов. Собрание с предложением Федора

согласилось и девушек исключило. Катюша вскоре во всем раскаялась и попросила восстановить ее в комсомоле. А Леночка так и осталась исключенной.

Федор, однако, не оставлял попыток сблизиться с Леночкой, искал встреч с ней, приходил в ее техникум, звал на свидания. Леночка изредка, не всякий раз, отзывалась на его предложения. Она еще помнила комсомольское собрание, а выступление Федора поняла немного иначе, чем тому бы хотелось.

Так прошел год. Федора отправили освобождать Западную Белоруссию и Литву. Почти весь путь до фронта их часть проделала пешком. Шли налегке. Ни оружия, ни провианта им не выдали. Питались тем, что удавалось добыть во встречающихся на пути деревнях и поселках. Наконец, вышли на линию соприкосновения и окопались. Перед ними стояли поляки, свежие, румяные, в чистеньких мундирах. С первых же часов они стали издеваться над русскими, выкрикивая оскорбительные прозвища и шуточки. Русские молчали. На следующий день завязался бой. Поляки постреливали одиночными, а русским отвечать было нечем. Но командир отдал приказ: «В атаку!», и рота бросилась вперед. Безоружные, голодные, в обмотках. Поляки, увидев быстро надвигающуюся цепь оборванных солдат с искаженными страхом и злобой худыми лицами и сообразив, что предстоит рукопашная, перепугались, и, побросав новенькие английские винтовки, бросились наутек. Добежав до вражеских окопов, русские остановились, переводя дух и осматривая то, что им досталось. В первом же бою добыли десятка два винтовок, патроны, гранаты и ранцы с одеждой и всякой мелочью. И приободрились.

Повоевав в Белоруссии с полгода, Федор демобилизовался, но ненадолго. Началась Война. Он снова оказался на фронте, а Елена – в военном госпитале.

В июле 41-го Федор, не успев написать Елене ни одного письма с фронта, попал в плен под Бобруйском. Он был серьезно контужен во время боя и лежал без сознания, когда немцы обходили место сражения и добивали тех красноармейцев, у кого были тяжелые ранения или чья внешность им не нравилась. Светловолосого Федора оставили в живых.

Его отправили в лагерь для военнопленных в Кенигсберг. По воле легкомысленной и безответственной судьбы Федор-охранник превратился в Федора-пленного. В лагере заключенные возводили оборону города, и Федор больше двух лет копал землю, возил камни, забивал сваи. В 43-ем Федор и несколько его друзей решились на побег. Дней десять они, голодные и оборванные, бродили в лесу, и зашли, наконец, в небольшой литовский хутор. Они надеялись, что их встретят как своих и накормят. Но хуторяне вместо того, чтобы накормить, выдали их немцам. Беглецов вернули на прежнее место и, конечно, хорошо побили.

Обстановка в лагере, однако, постепенно менялась. Шел уже 44-й год, немцы отступали, и немецкие охранники, заходя в казармы к пленным, могли заявить: «Гитлер капут!». Охрана лагеря ослабла, и Федор с товарищами совершили повторный побег, на этот раз удачный. Они перебрались через линию фронта и оказались у своих. По законам того времени, их должны были судить, как сдавшихся в плен, и снова направить в лагерь, уже советский, но беглецы, когда еще были в немецком плену, составили подробную карту оборонительных сооружений Кенигсберга, которую и предъявили особистам. Карта оказалась очень важной, и их простили, а пребывание в плену не записали в личное дело.

Так Федор вновь оказался в регулярных войсках, дослужил до конца, успев повоевать еще и на дальневосточном фронте. Здесь, на Востоке, при переходе армии через пустыню, он снова оказался на волосок от гибели, но теперь от жажды. Много солдат полегло в том переходе от обезвоживания, но Федор выжил. Добравшись до Кореи, он сильно заболел и оказался в госпитале. Но ни на минуту не забывал он о своей Леночке. Осенью 45-го, посылая ей из Корейского госпиталя фотографию себя, высохшего, как мумия, он писал на обороте:

«... Лена, смотри на это фото как на живого. Посылаю его для того, чтобы ты вспоминала меня и не забыла никогда ...».

А Елена все военное время проработала в госпиталиях. В самом начале ее и Катюшу направили на фронт. Состав, в котором два вагона занимали медики с их оборудованием, двигался медленно. Перед Смоленском Елена и Катюша заболели тифом. Их высадили, а поезд пошел дальше. Но на следующие сутки состав разбомбили немцы, и почти все находившиеся в нем погибли. Елену с Катюшей уберег Бог.

Едва девушки стали выздоравливать, пришло распоряжение отправить их обратно в их техникум, превращенный в военный госпиталь. Елену это очень устраивало, поскольку рядом с городком, в деревушке Ипатово, жили мать и два ее брата, отчаянно нуждавшиеся в ее помощи. Каждую ночь городок бомбили немцы. Их целью был не сам городок, а ГЭС, та самая, на которой Елена с Катюшей еще недавно проходили практику. Но наши зенитки работали плотно, немцев к ГЭС не подпускали, и они сбрасывали бомбы куда попало. Елена, каждую ночь бегавшая с работы в деревню, к своим, по дороге часто попадала под бомбежку. Но все обошлось.

Работая в госпитале, Елена, молодая, стройная, симпатичная, привлекала естественное внимание своих выздоравливающих подопечных. И часто получала предложение руки и сердца. Среди предлагавших находились и те, кто ей нравился. Но все претенденты жили далеко, на Урале, в Сибири, и, приняв их предложение, она должна была бы отправиться с избранником на его родину, то есть бросить мать и младших братьев одних. Она не могла позволить себе этого, и все предложения отвергала.

В 43-м, когда была прорвана блокада Ленинграда, пришло распоряжение устроить больницу для выхаживания блокадных детей. Выбрали и место для нее – ту самую старинную дачу высокого церковного служителя, что располагалась на краю парка недалеко от Ипатово. Организацию поручили Вере Ивановне, бывшей когда-то директором техникума, где училась Елена. Вера Ивановна своих учениц помнила, и пригласила Елену поработать в детской больнице.

Новая работа, однако, оказалась для Елены тяжелым испытанием. Она любила детей. А худые, изможденные ребятишки, особенно девочки, вызывали у нее глубокое и неподдельное сострадание, и она привязывалась к ним. Дети отвечали ей взаимностью. Но когда кто-нибудь из них умирал, не справившись с болезнью, умирал практически на руках у Елены, она каждый раз переживала так, словно теряла своего собственного ребенка.

Было и еще одно обстоятельство, обрекавшее ранимое сердце Елены на постоянную печаль. Детям в больнице предписывалось высококачественное усиленное питание: питательные бульоны, горячий шоколад и другое. Но больные дети не могли съесть все, что им предлагалось. Остатки выбрасывались. Елене, у которой дома сидели два голодных брата-подростка, было невыносимо смотреть, как выбрасывают еду, которая была так необходима ее братьям, да и другим ребятишкам в деревне. Но взять остатки и отнести домой было нельзя. За этим следовала неизбежная кара, суд, тюрьма.

Долгая, изматывающая война, наконец, закончилась. Солдаты возвращались с фронта. Вернулся и Федор. Своего дома у него не было, и он напрямик направился к Елене. Жизнь в деревушке Ипатово протекала бедно, но разрушения войны обошли ее стороной. Для Федора, после всех его военных скитаний, было бы большой удачей остаться здесь навсегда. Но теперь все зависело от Елены. К этому времени Федор сильно изменился, это был уже не тот простодушный парень из котлована, а красивый и сильный мужчина, хоть и изрядно похудевший. Да и Елена стала старше. И, посоветовавшись с матерью, она согласилась выйти за него замуж. Так окончилась эта история и началась другая.